

на была идти речь о юности и Гражданской войне, а третья посвящалась современности. Наиболее цельным и художественно выразительным получилось обширное начало всей поэмы, а именно «Милое детство». В печати, однако, поэма «Милое детство» одобрения не получила. В 1931 вышел сб. «**Публицистическая лирика**». До конца 1930-х У. упорно обвиняют в мещанстве, в потакании обывательским вкусам и в так называемом абстрактном гуманизме. Однако именно в 1930-е он создает наряду со своей поэмой, вызвавшей столько несправедливых нареканий, такие песенные шедевры, как «**Бой**» (1933), «**Комсомольская песня**» (1934), «**Песня о пастушке**» (1936), «**Песня о младшем брате**» (1938). Его лиризм набирает силу, стихи становятся и масштабнее и эмоциональнее. В обстановке тех лет, когда существование самой лирики под воздействием критиков-догматиков находилось под угрозой, У. вел неотступную поэтическую защиту лирических прав поэта. Во второй половине 1930-х выходят несколько сб.: «**Избранные стихи**» (1935), «**Стихи**» (1937), «**Лирика**» (1939) и др.

В годы Великой Отечественной войны У. добровольцем ушел на фронт. Несмотря на тяжелое ранение в 1941, он возвращается в свою воинскую часть. Работает в армейских газ., печатает много стихов. В 1942 было опубликовано 3 сб.— «**Стихи о героях**», «**Я видел сам**», «**Фронтные стихи**». В эти годы У. создает ставшие популярными песни «**Гвардейский марш**», «**Родине**», «**Завражная песня**» и др. Летом 1944 вышла последняя прижизненная книжечка его произведений «**О родине. О дружбе. О любви**». Остался незавершенным опыт У. в области прозы — «**Рассказ майора Трухлева**». У. погиб в авиакатастрофе под Москвой.

В поэзии советского периода У. оставил достаточно заметный поэтический след, его поэзия — один из пиков романтического советского искусства.

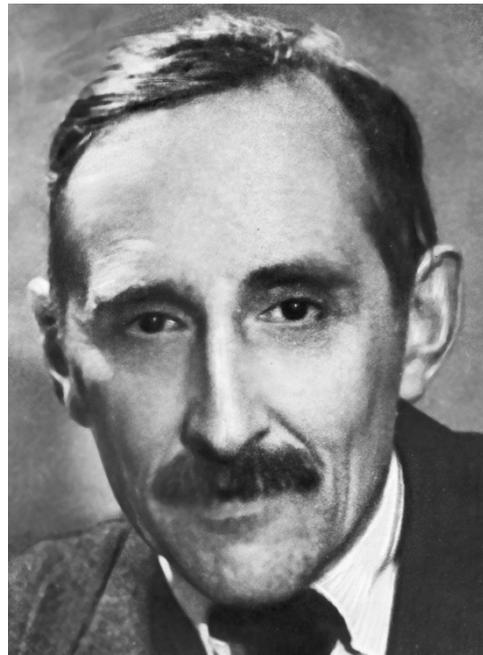
Соч.: Стихотворения и поэмы / вступ. статья З. Паперного. М., 1961; Стихотворения и поэмы / вступ. статья и прим. А. А. Саакянц. М.; Л., 1966. [Б-ка поэта. Б. серия]; Избранное. М., 1975.

Лит.: Луначарский А. В. Иосиф Уткин // Луначарский А. В. СС: в 8 т. М., 1964. Т. 2; Саакянц А. А. Иосиф Уткин: Очерк жизни и творчества. М., 1969; В ногу с тревожным временем: Воспоминания об Иосифе Уткине. М., 1971; Коржев В. Г. Иосиф Уткин: Очерк творчества. Новосибирск, 1971; Долматовский Е. [Вступ. статья] // Уткин И. Избранное. М., 1975.

А. И. Павловский

УШАКОВ Николай Николаевич [25.5(6.6). 1899, Ростов Ярославской губ.— 17.11.1973, Киев] — поэт, прозаик.

Творческая личность У. складывалась в прямом противоречии с его биографической основой. Вырос он в семье, богатой историческими традициями. Один из прадедов участвовал в Отечественной войне 1812, был ранен под Бородином. Другой, живя в Тобольске, общался со ссыльными декабристами — Пушиным, Кюхельбекером, Фонвизиным. Дед, поручик Семеновского полка, занимался антиправительственной пропагандой среди рабочих, за что в 1862 был приговорен к смертной казни, замененной затем ссылкой. Отец, артиллерийский офицер, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Но стихов на историческую тему мы найдем у У. очень мало: его внимание в основном было сосредоточено на современности. Матери он лишился в раннем детстве (умерла от туберкулеза), да и сам был замкнутым ребенком со слабым здоровьем. Достигнув зрелости, У. обойдет всю страну, путешествуя пешком, верхом и в общих вагонах по Уралу и Осетии, по Алтаю и Кольскому полу, по Днепру и Амуру, и поведает о своих впечатлениях в стихах (книги «**Путешествия**», 1940; «**Новые путешествия**», 1948). Детство будущего поэта прошло в поместье бабушки (Успенское-Озерки Ярослав-

Н. Н. Ушаков

ской губ.) в исполненной очарования природной среде Северной России, но предметом любования У.-стихотворца станет не столько природа, сколько техника.

В 1908 У. поступил в Киевскую 1-ю гимназию (одновременно с ним учились тогда в разных классах М. Булгаков, К. Паустовский, Б. Ромашов), которую окончил с золотой медалью. С тех пор Киев будет его «второй родиной», и на закате жизни У. напишет связанное с этим городом науч.-беллетристическое изыскание, по его словам, «книгу лирических очерков о Киеве» — **«Повесть быстротекущих лет»** (1960) и автобиографический роман о своей юности **«Вдоль горячего асфальта»** (вышел в 1965). В этом городе У. закончил и юридический ф-т Ин-та народного хозяйства, но, как указано в его автобиографии, «юристом или хозяйственником не стал. Разнообразные занятия возбуждали мое любопытство, многие профессии нравились, и только в годы зрелости я понял, что к каждому из этих занятий, к каждой профессии меня влекла заключающаяся в них поэзия живой жизни» (Стихотворения и поэмы. С. 54).

Первое стих. **«Россия»** У. опубликовал в киевской газ. «Пролетарская правда» в 1923, тогда же вошел в группу молодых поэтов «Майна», стал широко печататься в Киеве, Харькове, Одессе, вел занятия по теории стихосложения в киевском Доме печати. Появление У. в Москве увенчалось успехом: Н. Асеев приглашает его сотрудничать в ж. «Молодая гвардия», стихи молодого поэта появляются в «Октябре», «Красной нови», «Новом ЛЕФе», в ленинградской «Звезде». Он отмечен Маяковским; прочитав строки У. «На понизовье / картофель цвел, / губерния / пахла патокой», певец революции отозвался: «Здорово! Сотни раз в поэзии сообщалось о том, как цветут розы, а вот стихи о цветении картошки читаю впервые» (цит. по: Адельгейм Е.— С. 101). Событием стало появление первой стихотворной книги У. **«Весна республики»** с предисл. Н. Асеева, где призывалось «обратить внимание критики на новый, первоклассного тембра и силы голос...» (Весна республики: стихи. М., 1927. С. 5). Формально поэт связал себя с конструктивистами, однако по сути художнического дарования их голой рассудочной схематичности остался чужд. В дальнейшем стихи У. издаются постоянно: книги **«Горячий цех»** и **«Календарь»** (1933), **«Северное сияние»** (1947), **«Веснодворец»** (1962), **«Теродолит»** (1967), **«Я рифмы не боюсь глагольной...»** (1970), вышедшая посмерт-

но **«Якоря земли»** (1974). Широкой популярности У. не обрел, но некоторые его поэтические формулы стали расхожими афоризмами: «Чем продолжительней молчанье, / Тем удивительнее речь»; «Загадка тем и хороша, / Что, может быть, неразрешима»; «Как все это нежно в жизни, / Как все это в книгах грубо!» В послевоенные годы популярным было стих. **«Четверка»**, в котором национальные варианты фамилии Иванов (Иванидзе, Иваненко, Иванбаев) символизировали братство советских народов. Но основное творческое достижение У. в другом.

У. любил точное знание. Л. Озеров перечисляет книги, которые он видел на его столе,— по геологии, минералогии, нумизматике, строительству шахт, «а также книги о северном сиянии, о цвете и природе и о многом другом»; М. Рылский подмечал, что «он отлично разбирался и в записках Боплана и Павла Алеппского, и в исторических и археологических трудах о Киеве»; Я. Хелемский вспоминал, что в ряд подлинно поэтических произведений У. ставил «Воспоминания о камне» академика Ферсмана (О Николае Ушакове. С. 20, 39, 116). И тем не менее в существование особой интеллектуальной, или «научной», поэзии У. не верил. «Существует не научная поэзия,— утверждал он,— а рождаемые знанием удивительные образы. В поэзии нас не устраивают завитки рассудительного красноречия — глубина интеллекта не в них, а в живом, непосредственном отношении к реальным вещам и явлениям» (Там же. С. 51). Да и в стихах, написанных в последние годы, содержались предельно категорические признания: «Я не философ...», «Я не мыслитель...». И тем не менее индивидуальная поэтическая философия у У. была.

Уже в «Весне республики» У. утвердил свой главный творческий принцип.

«В книгах Ушакова природа не подчинена технике, а дружит с ней, сотрудничает... Машина, агрегат, станок, наводившие ужас на старого художника, стали при новом порядке вещей, при новом взгляде на мир поэтичными и даже окружены романтическим ореолом» (Там же. С. 8–9). В этом ряду и **«Кладбище паровозов»**, которое У. превозносит выше «всех кладбищ», и стихотворные послания **«Мотоциклету»**, **«Самолет»**, и воспевание электрификации (**«Голубой уголь»**). Или же отдельные детали вроде той, что восхитила совр. читателя,— «тычинки вороненой стали»: «Металл воспринят как составная часть цветка!» (Там же. С. 9). Для поэта 1920–30-х логика точных наук и чувство оказались не враждебными

силами, которые надо примирить, а естественными проявлениями единого потока жизни. Соединение природного и машинного стало уже бытом, нормальным чувствованием человека. Такие настроения были характерны для поэзии 1920–30-х, стихи У. «писались синхронно с асеевским „Стальным соловьем“ и казинским „Рабочим маем“». В то же время У. развивал и классическую традицию. В снятии противопоставления природы и техники (именно в снятии, а не в примирении противоречий) У. осуществлял принцип Фета. Но Фет «искал прекрасного след в самой жизни, но не на всем», а У. «перешагнул заказанную Фетом грань... стал искать прекрасного след именно на всем, там, где искал и находил его Фет, и там, где Фет искать отказывался» (Адельгейм Е.— С. 137). Действительно, очень созвучны «молниевидное крыло» «стрельчатой ласточки» у Фета и ушаковское «О жесткокрылая цикада, / Стрекочущий мотоциклет» («Мотоциклету»), очень близки изобразительные манеры обоих поэтов — но сфера жизни, опозитизированная художником новой эпохи, оказалась шире.

В поздней лирике («Якоря земли») У. поэтизирует уже приметы космической эпохи, утверждая сказочность реального. Луна для него — не темно-серая, в густой пыли, нет, она лазоревая, трогающая тишину лучами, правда, уже населенная людьми — «молодым рассыльным из аптеки» или геологом, написавшим на ее голубых островах стихи. Втор-

жение в ее просторы лунохода становится не столько торжеством техники, сколько торжеством сердца: «Все молчит и от века — и до века. / И ей снятся / Наши небеса, / Ровная рысца / Лошадки пегой, / Мягкая дорога / И телега, / Теплый колос / Возле колеса».

Значение поэзии У. в развитии российской лирики еще не определено. Но к «школе Ушакова», бесспорно, принадлежат такие поэты Киева, как Я. Хелемский и особенно Л. Вышеславский; отголоски этой школы слышатся и в раннем творчестве Б. Ахмадулиной («Светофоры», «Мотороллер», «Газированная вода» и т. п.).

Соч.: Избранные стихи. М., 1936; Лирика. М., 1961; Состязание в поэзии: Разведка спором. Воспоминания. Портреты. Теория поэзии. Искусство перевода. Киев, 1969; Мой век: стихотворения. М., 1973; Стихотворения и поэмы. Л., 1980. (Б-ка поэта. Б. серия); Избранное. М., 1990.

Лит.: Тельпугов. В. Николай Ушаков. Критико-биографический очерк. М., 1961; Новикова М. Мир, на образ множимый: лит.-критический очерк. Киев, 1970; Озеров Л. Мастерство и волшебство. М., 1976. С. 360–381; О Николае Ушакове: Статьи, очерки, воспоминания. Киев, 1977; Адельгейм Е. Остаются стихи: Очерк творчества Н. Ушакова. М., 1979; Смирнов Л. Школа Николая Ушакова // День поэзии. М., 1979. С. 139–140; Урбан А. Новая гармония: Николай Ушаков // Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984. С. 179–209.

Г. В. Филиппов

ФАДЕЕВ Александр Александрович [11(24).12.1901, г. Кимры Тверской губ.— 13.5.1956, Москва] — прозаик, критик, теоретик литературы.

Вырос в семье профессиональных революционеров. Отец — учитель сельской школы, народолюбец, был сослан в Сибирь на кааторгу. Мать — фельдшер, вторично вышла замуж (1907) за социал-демократа Г. В. Свитыча, ставшего отчимом троих ее детей, в т. ч. и Саши. Детство и юность Ф. прошли на Дальнем Востоке, куда семья переселилась в 1908. Учился во Владивостокском коммерческом училище, сближение с большевиками братьями И. и В. Сибирцевыми, участие в партизанском движении против Колчака, иностр. интервентов в Приморье (1919–20)

и военных действиях Красной Армии против атамана Семенова в Забайкалье (1920–21) сформировали личность Ф. С юных лет Ф. познал «вкус» партийной работы, пройдя путь от рядового бойца до комиссара бригады.

Эти годы дали ему ценный жизненный опыт и материал для будущих лит. произведений. 19-летним юношей Ф. стал делегатом X съезда РКП(б) и вместе с др. делегатами был мобилизован на подавление Кронштадтского мятежа, там получил серьезное ранение. После излечения он поступил в Московскую горную академию, но вскоре вынужден был прервать учебу ради партийной работы на Кубани и в Ростове-на-Дону (1924–26). С тех пор приоритет партийного долга перед